

УДК 342.727

DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(1).119-137

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ: НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В.В. Коряковцев, К.В. Питулько

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургский институт (филиал), г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

31 января 2019 г.

Дата принятия в печать –

01 марта 2019 г.

Дата онлайн-размещения –

20 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Юриспруденция, уголовный процесс, справедливость, обвинительный уклон, суд присяжных, вердикт, приговор, доказательство, обжалование, следственный судья

Раскрывается перечень системных недостатков современного уголовного судопроизводства. Гипотезой исследования является тезис о том, что продолжающиеся преобразования порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности не привели к ее трансформации на основе принципа состязательности процесса. Проблемным полем исследования является анализ новейших изменений в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и их влияние на качественную модернизацию отечественного правосудия. В заключение сформулированы предложения по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства.

ADVERSARIAL PROCESS: URGENT PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vyacheslav V. Koryakovtsev, Xenia V. Pitulko

All-Russian State University of Justice, St. Petersburg Institute (Branch), St. Petersburg, Russia

Article info

Received – 2019 January 31

Accepted – 2019 March 01

Available online – 2019 April 20

Keywords

Jurisprudence, criminal procedure, justice, accusatory bias, jury, verdict, sentence, evidence, appeal, investigating judge

The subject of the article is realization of adversarial process principle in Russian criminal proceedings.

The purpose of the article is to disclose the list of systemic flaws in modern criminal justice. The hypothesis of the study is the thesis that the ongoing transformation of the criminal procedure did not lead to its transformation on the basis of the principle of the adversarial process.

The authors use formal-legal and comparative-legal methods as well as legal interpretation of the text of Russian Criminal Procedure Code and Russian Constitutional Court's decisions. The main results and scope of their application. The problem field of the research is the analysis of the latest changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and their influence on the qualitative modernization of the domestic justice. For optimal understanding of the problem field, the authors used a set of general scientific and private-scientific methods. The article provides a brief overview of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and judicial acts reflecting the views of the law enforcers on the motivation of the sentence. In the introduction, the authors justify the relevance of the study, also discusses possible criteria for the fairness of a judicial decision in criminal justice. The second section analyzes the main trends in overcoming the accusatory bias in criminal proceedings and determines the relationship between constitutional legal and criminal procedural parameters of justice and the validity of judicial decisions. The third section examines the main shortcomings of the elements of judicial control in pre-trial criminal proceedings and assesses the prospects for the establishment of an investigative judge. In the fourth section, the authors explore the specifics of the legalization of operative information as evidence in a criminal case, taking into account the legal positions of the Constitutional Court. The fifth section is devoted to the analysis of the latest changes in the criminal procedure law regarding the order of consideration of cases in the appellate and cassation instances. In the sixth section, the dynamics of doctrinal views on the systemic flaws of the Russian criminal process are examined.

The main proposals for the improvement of the Russian criminal procedure legislation are formulated in the conclusion. It is concluded that the principle of the adversarial process is not taken into consideration completely during the transformation of the criminal procedure in Russia.

Истина и справедливость – вот единственное, чему я поклоняюсь на земле.
Жан-Поль Марат

1. Введение

В 2018 г. исполнилось 25 лет со дня принятия действующей Конституции РФ, в соответствии с которой Россия была провозглашена демократическим правовым государством. Более двадцати лет действует новый Уголовный кодекс (далее – УК) РФ 1996 г. и около двадцати – новый Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) РФ 2002 г., в каковые за годы их действия были внесены многочисленные изменения, дополнения и поправки. Однако, системные минусы уголовного судопроизводства, как и определенные недостатки существующей государственной власти и отсутствие должных нравственных ориентиров в обществе (в том числе иногда крайне непонятные новеллы в УК РФ, например введение денежного штрафа в качестве основного наказания за любой вид получения взятки в 2011 г.), сложившиеся за последние десятилетия, сохраняют свое негативное воздействие на качество современного российского правосудия. Это определяет, в частности, и нахождение на службе в следственно-судебных органах в первую очередь для повышения личного материального благосостояния любым возможным способом (в настоящее время, например, никого не удивляют факты обвинения офицеров полиции в сбыте наркотических средств в особо крупном размере или многомесячное безвозмездное пользование следователем арестованным на следствии как вещественное доказательство дорогим автомобилем подследственного, находящегося в следственном изоляторе) и невысокий уровень справедливости судебных решений по уголовным делам.

Безусловно, что вряд ли кто-либо и когда-либо может предложить четкие и объективные критерии справедливости (о соотношении таковой с мотивированностью судебных решений чуть ниже) правосудия (судопроизводства) по уголовным делам (хотя, например, в УК РФ справедливость закреплена в качестве принципа уголовного права, и несоблюдение по-

ложений, вытекающих из данного принципа, влечет определенные правовые последствия). Это может быть и количество оправдательных решений в уголовном процессе, это может быть и количество отмененных обвинительных решений в апелляционной инстанции, это может быть и количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, это может быть и процент возбужденных уголовных дел от общего количества поданных заявлений о возбуждении таковых (или всё это в совокупности). Справедливость субъективная может быть следовательской, судейской, прокурорской, адвокатской. Как потерпевший, так и подсудимый также могут иметь свое обоснованное мнение о справедливости российского судопроизводства в их отношении¹. К формальным критериям (показателям, требованиям) справедливости, например, можно отнести отсутствие апелляционных или кассационных жалоб на судебное решение, отсутствие изменений в обжалованном судебном решении, соблюдение разумного срока судопроизводства, обязательное участие защитника в соответствующих случаях, запрет осуждения дважды за одно и то же преступление, хотя наличие такового снова показывает внешнюю сторону процесса, не определяя изначально его качество.

Безусловно и то, что в современный период наше государство испытывало и испытывает существенные проблемы и в целом ряде иных сфер: государственное управление, социальное обеспечение, образование, медицина, экономика, – но именно в уголовном судопроизводстве они наиболее опасны с точки зрения правовой стабильности и желаемых перспектив правового развития нашего общества.

Предметом проблемной дискуссии в настоящей статье будет в основном тезис об обвинительном уклоне в российском уголовном судопроизводстве и способах его преодоления, а также оценка усилий законодателя в части реформирования всей системы правосудия. Будем исходить из того, что с

¹ Например, большинство клиентов одного из авторов – адвокатов считали вынесенный им приговор несправдлив-

вым, но были подзащитные и с иным мнением о своей виновности и назначенном им наказании.

момента утверждения Концепции судебной реформы в 1991 г. произошло значительное количество кардинальных изменений в механизме отправления правосудия по уголовным делам. Однако до настоящего времени судебная система не избавлена от целого ряда существеннейших недостатков.

Логично предположить, что конституционные положения, характеризующие совокупность процессуальных гарантий личности в уголовном процессе, получили определенное воплощение в законодательстве и правоприменительной практике. Однако многие из них адекватно не реализованы и сегодня.

2. Об обвинительном уклоне в уголовном судопроизводстве

Не становясь на путь огульной критики и поношения российской правовой системы, отметим, что и 2018 г. характеризуется очередными попытками российского законодателя улучшить систему нынешнего правосудия по уголовным делам. Во-первых, с 1 июня 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей», в соответствии с которым была расширена подсудность уголовных дел суду с участием присяжных заседателей. Такой порядок рассмотрения дел был введен в районных (межрайонных, городских) судах Российской Федерации: учрежден состав суда в виде коллегий из шести присяжных заседателей и одного профессионального судьи. Подобный суд правомочен рассматривать уголовные дела об убийстве без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) и четырех особо тяжких преступлений против государственной власти (ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ), где невозможно назначение смертной казни или пожизненного лишения свободы (например, в отношении женщин).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за полгода деятельности таким составом суда было рассмотрено 91 уголовное дело в

отношении 102 лиц². На фоне общего количества дел, рассматриваемых российскими судами ежегодно, – это капля в море, равно как и в сопоставлении со статистическими данными о количестве осужденных по ст. 105, 111 УК РФ. Несомненно, сам по себе эксперимент по учреждению коллегий присяжных в районных и приравненных к ним судах можно оценить положительно с точки зрения усиления элементов состязательности, появления новых процессуальных гарантий прав личности, независимости. Но, исходя из крайне небольшого количества дел, рассматриваемых в таком порядке, можно заключить, что кардинальных изменений в деятельности по отправлению правосудия этот закон не привнес и вряд ли может это сделать.

По-прежнему вызывает тревогу то обстоятельство, что огромное количество (в 2018 г. – 70 %) уголовных дел, рассмотренных судами России, слушается по правилам, установленным гл. 40 УПК РФ, т. е. в особом порядке, не включающем исследование собранных по делу доказательств. По словам Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, именно это обстоятельство способствует крайне нерелевантному соотношению количества обвинительных и оправдательных приговоров³.

Для сравнения, за полгода деятельности коллегий присяжных в районных судах было оправдано 28 % подсудимых. В соотношении с 0,2 % оправдательных приговоров, вынесенных по делам, рассмотренным профессиональными судьями единолично или коллегиально, это, выражаясь словами классика, «дистанция огромного размера». Хотя с учетом огромного массива дел, рассматриваемых в особом порядке, в Верховном Суде РФ полагают некорректными утверждения об обвинительном уклоне российского правосудия⁴, но приведенные данные в целом его наличие подтверждают. По результатам независимых исследований, «шансы на эффективную судебную защиту и реабилитацию в суде практически равны нулю» [1, с. 35].

Во-вторых, в 2018 г. была установлена новая мера пресечения в уголовном процессе в отношении подозреваемого или обвиняемого в виде запрета со-

² Председатели российских судов подведут итоги 2018 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=104&item=4833> (дата обращения: 10.01.2019).

³ Освобождение без оправдания // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/21/5a8bc7c29a79470b82780b67> (дата обращения: 10.01.2019).

⁴ В Верховном Суде назвали причину низкого числа оправдательных приговоров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2017/58b7ebbe9a79473c319d5323> (дата обращения: 10.01.2019).

вершения определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Она применима, в частности, по делам о совершении тяжких преступлений сроком на 24 месяца, особо тяжких – на 36 месяцев. Конечно, данная мера пресечения не станет и не может стать серьезной альтернативой заключению под стражу, но сам факт усиления вариативности уголовно-процессуальных инструментов, препятствующих противодействию расследованию, оказанию воздействия на свидетелей и потерпевших, уклонению от явки по вызовам в органы, осуществляющие производство по уголовному делу, может быть оценен положительно.

В-третьих, усилиями законодателя создан определенный барьер для вынесения незаконных постановлений о прекращении уголовного дела. Так, ст. 214.1 и ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ с ноября 2018 г. предусматривают судебный порядок отмены незаконного или необоснованного постановления руководителя следственного органа или следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года после вынесения в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 214 УПК РФ. В первую очередь, эти нормы направлены на защиту законных интересов потерпевшего и обеспечение ему доступа к правосудию, и в этой связи создание дополнительных процессуальных гарантий сохраняет актуальность. Хотя необходимо отметить, что нормы, регламентирующие порядок обжалования в суд действий и решений, нарушающих конституционные права граждан (ст. 125 УПК РФ), не обладают значимой эффективностью⁵. Проблема состоит в том, что предмет судебной проверки изначально ограничен (воспрепятствование правосудию и нарушение конституционных прав), и пределы судебного познания, внутреннего убеждения, профессиональной корпоративности не позволяют серьезно содействовать (удовлетворяется не более 7–8 % подобных жалоб) устранению допущенных нарушений, за исключением отмены соответствующего незаконного акта.

В-четвертых, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ почти в два раза увеличено количество статей Особенной части УК РФ, по которым в обязательном порядке прекращается уголов-

ное дело при полном возмещении ущерба от преступления и выплате в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной стоимости нанесенного вреда. Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 35-ФЗ было продлено и применение ч. 3 вышеуказанной статьи УК РФ (еще одно основание для освобождения от уголовной ответственности, но без перечисления в федеральный бюджет дополнительных штрафных санкций) в отношении действий лиц (предусмотренных, например, ст. 193 УК РФ), совершенных до 1 января 2018 г., если виновный заявит о совершенном в специальной декларации о вывозе капитала за границу.

В-пятых, безусловную значимость имеет и постановление Правительства РФ от 2 октября 2018 г. № 1169, в соответствии с которым поэтапно (в 2019, 2020 и 2021 гг.) повышается минимальный и максимальный размеры оплаты труда адвокатов по назначению за счет государства в уголовном судопроизводстве. Во многих районах нашей страны с участием назначенных адвокатов за счет государства рассматривается до 90 % уголовных дел, и подобное должное увеличение должно способствовать более качественному обеспечению реального права на защиту, хотя далеко не всегда качество защиты зависит от количества денег, выплаченных клиентом адвокату как по соглашению между ними, так и за счет государства. По мнению одного из авторов (адвоката с многолетним стажем), качество защиты определяется даже не столько профессиональными знаниями адвоката и его опытом, а в первую очередь его профессиональной и общечеловеческой порядочностью и отношением к подзащитному.

Положительный эффект имело и введение, например, еще в 2016 г. ч. 2.1 в ст. 281 УПК РФ, предусматривающей в качестве условия оглашения показаний не явившихся в суд потерпевших и свидетелей предоставление обвиняемому (подсудимому) возможности оспорить подобные показания против себя на предыдущих стадиях процесса (например, путем очной ставки со свидетелем)⁶.

Комитет министров Совета Европы положительно оценил деятельность высших российских су-

⁵ Например, один из авторов – адвокатов около двух лет безуспешно пытался отменить в районном суде г. Санкт-Петербурга подписку о невыезде по уголовному делу о преступлении небольшой тяжести, прекращенному в отношении клиента за примирением с потерпевшей почти 15 лет назад.

⁶ Достаточно интересно, что один из авторов более десяти лет назад обращался в Европейский суд по правам чело-

века (далее – ЕСПЧ) с жалобой о признании ч. 2 ст. 281 УПК РФ не соответствующей ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. в той мере, в которой она ограничивала право подсудимого непосредственно допросить свидетелей обвинения в суде. В итоге жалоба № 60346/08 (Myshkin v. Russia) Комитетом из трех судей ЕСПЧ в феврале 2009 г. была объявлена неприемлемой, хотя требуемые вышеуказанные изменения в УПК РФ

дов, направленную на преодоление обвинительного уклона и повышение мотивированности судебных актов. Но при этом он настоятельно рекомендовал предпринимать «еще более настойчивые попытки с целью эффективного изменения повседневной практики органов власти»⁷. Немотивированные и неубедительные судебные акты порождают сомнения в справедливости, компетентности и беспристрастности судей [2, с. 13]. Однако в большом количестве приговоров по уголовным делам (особенно – по рассмотренным в особом порядке) мотивированность может быть поставлена под сомнение.

Вопрос о мотивированности судебных актов, естественно, подводит нас и к проблеме вынесения коллегией присяжных оправдательного вердикта. Негативный общественный резонанс появляется всякий раз, когда такое решение, влекущее постановление оправдательного приговора, выносится по делу, получившему широкую огласку и освещение в прессе.

Например, в Санкт-Петербурге в январе 2019 г. коллегия присяжных единогласно вынесла оправдательный вердикт по уголовному делу, возбужденному в связи с нападением в 2016 г. на сотрудников Росгвардии. В ходе расследования данного дела был выявлен ряд обстоятельств, свидетельствующих о том, что потерпевшие во время службы участвовали в нелегальной инкассации денежных средств. Во время одной из поездок они подверглись нападению неустановленных лиц; один сотрудник погиб, другой получил серьезные ранения. Нападавшие скрылись, завладев крупной денежной суммой. Спустя некоторое время по подозрению в совершении данного преступления были задержаны трое граждан, давших признательные показания. Впоследствии они заявили, что эти показания давали под давлением следователя; защита обратила внимание на то, что ряд доказательств, собранных по делу, противоречит выводам следствия (например, для обоснования роли одного из подсудимых, по версии следствия, управлявшего автомобилем, в обвинительном заключении приводились сведения об обнаружении в салоне автомобиля генетических материалов, происходящих от этого человека; однако из материалов дела следовало, что они обнаружены на пассажирском сиденье, а не на водительском)⁸. Мотивы, по которым позиция

стороны защиты оказалась более убедительной, чем стороны обвинения, остались, естественно, неизвестными, однако можно с уверенностью предположить, что при слушании этого дела только с участием профессионального судьи оправдательный приговор не был бы постановлен.

Достаточно интересен, на наш взгляд, и следующий пример. В ноябре 2018 г. Санкт-Петербургским городским судом был вынесен оправдательный приговор в отношении четверых граждан, обвинявшихся в контрабанде кокаина из Доминиканской Республики. Еще двое их соучастников, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве и признавших свою вину, были осуждены другим судом к реальным срокам лишения свободы. Один из подсудимых также был осужден районным судом, но впоследствии приговор был отменен, и произошло объединение уголовных дел. В итоге присяжные признали недоказанной причастность подсудимых к совершению преступления⁹. Возникает вопрос о справедливости и мотивированности приговора, вынесенного по выделенному уголовному делу, рассмотренному судьей единолично, и о степени достоверности как доказательств, положенных в его основу, так и показаний осужденных, использовавшихся по уголовному делу, рассмотренному с участием присяжных заседателей. На оправдательный приговор прокурором принесено представление, но вопрос о его отмене в настоящее время не решен.

По личным наблюдениям одного из авторов, оправдание или осуждение в суде с участием присяжных заседателей в большинстве случаев зависит не от личных симпатий присяжных к подсудимому по причинам его пола или возраста, не от того, как и во что он одет, не от «честно-жизнерадостного» или «мрачно-дегенеративного» («злобно-усталого») выражения его лица, а от значимой и объемной совокупности представленных следствием доказательств в суд с участием присяжных.

Как представляется, манипулирование коллегией присяжных достаточно затруднительно, и потому, что, воспринимая совокупность собранных по уголовному делу доказательств непосредственно, присяжные заседатели склонны в большей степени обращать внимание на нестыковки и противоречия,

всё-таки, пусть и значительно позже и не совсем в требуемой редакции (с точки зрения одного из авторов), были внесены.

⁷ Меморандум Комитета министров Совета Европы от 12.02.2007 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовное дело № 2-7/2019 // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

⁹ Уголовное дело № 2-18/2018 // Архив Санкт-Петербургского городского суда.

содержащиеся в материалах уголовного дела. Профессиональные судьи, во многих случаях имеющие опыт следственной или прокурорской работы, в этом плане более уязвимы (имеется в виду фактическое возложение на судей моральной внепроцессуальной «обязанности» осудить подсудимого, если дело поступило в суд).

Анализируя последствия расширения подсудности уголовных дел суду присяжных, исследователи обращают внимание на то, что принципы формирования коллегий присяжных в российском уголовном процессе таковы, что исключают «внешнее управление» юридической позиции коллегий [3, с. 134]. Соглашаясь с этим, укажем, что сокращение состава коллегий присяжных, действующих в районных судах, в два раза возможность такой «управляемости» существенно повышают. Поэтому, приветствуя расширение подсудности в принципе, укажем, что новые процессуальные правила не являются идеальными и не могут рассматриваться как существенная гарантия преодоления обвинительного уклона.

Объективности ради надо отметить, что подобному расширению предшествовало в последние годы значительное сокращение подсудности суда присяжных, что, к сожалению, показывает незаинтересованность современного российского государства в суде присяжных и нежелание сохранить его впоследствии в существующем виде.

Так, деятельность суда присяжных осуществляется на всей территории Российской Федерации с 1 января 2010 г. До декабря 2008 г. судом присяжных рассматривались любые дела, отнесенные к подсудности суда субъекта Российской Федерации. Впоследствии законодателем неоднократно предпринимались шаги по сужению подсудности дел суду присяжных. В 2008 г. из нее были изъяты дела о преступлениях террористической направленности (ст. 205 УК РФ, ч. 2–4 ст. 206 УК РФ)¹⁰, в 2013 г. – дела о преступлениях против половой неприкосновенности (ч. 4–5 ст. 131, ч. 4–5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ)¹¹.

¹⁰ Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» // Российская газета. 2008. 31 декабря.

¹¹ Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам со-

Оба нормотворческих решения представляются сомнительными и немотивированными. Нет ответа на вопрос о том, почему именно лица, причастные к террористической деятельности, и лица, совершившие преступления сексуального характера, должны быть ограничены в праве на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей. С 1 января 2015 г. все уголовные дела о преступлениях террористической направленности переданы в компетенцию Московского и Северо-Кавказского окружного военных судов с рассмотрением коллегией из трех профессиональных судей¹². Указанные законодательные решения приняты в соответствии с положениями ч. 2 ст. 47 Конституции РФ, предоставляющей федеральному законодателю право самостоятельно устанавливать гарантии реализации права обвиняемого на рассмотрение его дела судом присяжных. Но одновременно они качественно сузили содержание этого права, девальвируя само понятие целесообразности использования народного представительства в уголовном процессе.

При этом Конституционный Суд РФ признал соответствующими Конституции РФ положения уголовного-процессуального законодательства о невозможности рассмотрения судом присяжных дел о преступлениях несовершеннолетних, даже когда санкция статьи Особенной части УК РФ, по которой обвиняется подсудимый, содержит указание на возможность назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни¹³. С одной стороны, это закономерно, поскольку судопроизводство по делам несовершеннолетних осуществляется по особым правилам, этой категории лиц предоставлен ряд специальных процессуальных гарантий, и максимально возможное наказание для них составляет 10 лет лишения свободы. С другой стороны, в правовой позиции Конституционного Суда РФ отмечена такая характеристика суда присяжных, как вынесение вердикта, не поддающегося полной проверке в апелляционной, кассационной и

вершинствовании процедуры апелляционного производства» // Российская газета. 2013. 26 июля.

¹² Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 7 мая.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // Российская газета. 2014. 4 июня.

надзорной инстанции, а также безусловное дискреционное право законодателя лимитировать подсудность дел суду присяжных. По мнению Конституционного Суда РФ, это не является ограничением права на судебную защиту. Оба приведенных основания, по сути, создают возможности для дальнейшего произвольного ограничения подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей законодательным решением.

Право каждого на судебную защиту признается Конституционным Судом РФ основным неотчуждаемым правом человека, а одной из гарантий его реализации выступает положение ст. 47 Конституции РФ о рассмотрении дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом. При этом, по мнению органа конституционного контроля, право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей не является непереносимым условием реализации права на судебную защиту¹⁴.

В том числе Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что женщины, обвиняемые по ч. 4 ст. 210, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ, имеют право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, но только в том случае, если на момент 11 мая 2017 г. (дата вынесения постановления) дело к слушанию не назначено. Во всех остальных ситуациях подсудность и состав суда изменению не подлежат.

Ранее благодаря постановлению Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П право на рассмотрение уголовного дела судом присяжных получили женщины, обвиняемые в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ)¹⁵. Вследствие внесения федеральным законодателем изменений в ст. 31 УПК РФ в 2014 г. дела в отношении них могли рассматриваться только в районных судах. В дальнейшем Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что с 1 июля 2018 г. женщинам, обвиняющимся в различных видах посягательств на жизнь, будет предоставлена возможность слушания уголовного дела районным судом с участием шести присяжных заседателей (постановление от 11 мая 2017 г. № 13-П).

Резюмируя указанные правовые позиции, можно отметить, что признаки юридического неравенства и последствия принятия дискриминационных законов Конституционным Судом РФ в полном объеме не устранены: по-прежнему женщины, судебное разбирательство по делам которых уже началось, права на рассмотрение дела судом присяжных не имеют; осужденные, которые были лишены этого права вследствие двухлетнего применения дискриминационной редакции ст. 31 УПК РФ, не получили специальной правовой возможности пересмотра приговора.

Думается, в обозримом будущем российский законодатель придет к совместному принятию решения присяжными и профессиональным судьей, что не является и не может являться судом присяжных в классическом понимании этого института. Подобные формальные улучшения вызваны подспудным (или намеренным) желанием воздействовать (показать положительное отношение судебно-следственной системы) на общественное мнение, общественное настроение, общественные симпатии, которые в целом на стороне суда присяжных. Более того, нет и значимой целесообразности в рассмотрении присяжными дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, так как в основном они характеризуют конфликт на бытовой почве после совместного распития спиртного с наличием убедительной доказательственной базы против обвиняемого (подсудимого). Хотя в ряде случаев и в них возникают интересные коллизии. Например, Тверским районным судом г. Москвы был постановлен оправдательный приговор в отношении лица, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, выразившегося в нанесении потерпевшему множественных ранений, повлекших его смерть. Коллегия присяжных единогласно вынесла вердикт о непричастности данного лица к совершению преступления. Труп потерпевшего был обнаружен в 2017 г., потерпевший вел асоциальный образ жизни, круг его общения был ограничен подобными же лицами¹⁶. Оправдательный приговор был впоследствии отменен Московским городским судом.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2017 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // Российская газета. 2017. 17 мая.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности

пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» // Российская газета. 2016. 11 марта.

¹⁶ Уголовное дело № 01-0210/2018 // Архив Тверского районного суда г. Москвы.

Ученые отмечают, что судебной практике и уголовно-процессуальной доктрине критериев мотивированности и обоснованности судебных актов не разработано [4]. Предложение использовать в этом качестве определение мотива как внутреннего побуждения, хотя и согласуется с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению, не может, на наш взгляд, быть реализовано, в частности, потому, что придавать мотивированности судебного акта субъективную, а не объективную окраску недопустимо. Естественно, судебный акт выносится судьей, деятельность которого находится в сфере презумпции беспристрастности. Однако беспристрастность не может рассматриваться как субъективная категория, это противоречит ее содержанию.

Необходимо отметить и то, что в решениях ЕСПЧ право на справедливое судебное разбирательство истолковывается во взаимосвязи с изучением судьей всех материалов дела без предвзятости¹⁷ и на условии изложения мотивов принятия решения¹⁸. При этом констатируется, что внутригосударственное право должно в обязательном порядке устанавливать правила оценки доказательств¹⁹.

Исходя из этого, укажем, что под мотивированностью приговора или иного судебного акта, вынесенного по уголовному делу, следует понимать обоснование выводов суда обстоятельствами, установленными объективно с помощью совокупности достоверных и достаточных доказательств. Критериями мотивированности в таком случае становятся наличие неопровержимых доводов о причастности подсудимого к совершению преступления, бесспорность доказательств, указывающих на наличие всех признаков состава преступления в его действиях и отсутствие у судьи сомнений в правильности вынесенного решения.

Следует еще отметить, что предложение о законодательном закреплении таких процессуальных качеств приговора, как законность, обоснованность, мотивированность и справедливость, уже вносилось в диссертационных исследованиях [5, с. 12]. Однако подробного содержательного терминологического освещения они не получили. Из этого можно заключить, что вопрос о мотивированности судебных ак-

тов по-прежнему сохраняет свою актуальность, в том числе, на наш взгляд, и в контексте преодоления обвинительного уклона в судопроизводстве.

Сущность и пределы судьейского усмотрения в контексте вынесения справедливого приговора по уголовному делу уже были предметом научных исследований [6, с. 9]. Однако недостатком авторских суждений можно назвать как чрезмерное внимание к философским аспектам категории «справедливость», так и неизбежное установление связи справедливости и объективной истины, установление которой в уголовном судопроизводстве до настоящего времени привлекает научную мысль. Установление истины рассматривается как способ предотвращения судебных ошибок [7, с. 5], но в данном случае надо обратить внимание прежде всего на то, что далеко не все правила уголовного судопроизводства рассчитаны на это. В частности, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением как упрощенное производство ориентирован не на установление истины, а на наличие формально закрепленного признания в совершении преступления. Судебное следствие данная процедура не предусматривает; пределы обжалования приговора достаточно ограничены. Если исходить из данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, можно заключить, что по двум делам из трех рассматриваемых в суде установление истины невозможно. С учетом востребованности положений гл. 40 УПК РФ в правоприменительной практике многолетнее лоббирование возврата к установлению объективной истины в каждом конкретном случае²⁰ не будет иметь положительного результата.

Авторы всегда были далеки от обвинения действующего судьейского корпуса в поголовной безграмотности, коррупции, продажности и иных смертных грехах, но главным недостатком большинства действующих российских судей, по нашему мнению, является безразличие и равнодушие к судьбе человека и предрасположенность (внутреннее убеждение) к осуждению обвиняемого, пусть и уже находящегося на скамье подсудимых, пусть и обвиняемого в тяжких и особо тяжких преступлениях, пусть ранее и неоднократно судимого за тяжкие и особо тяжкие преступле-

¹⁷ Постановление Европейского суда по правам человека от 12 июня 2003 г. по делу «Ван Кюк против Германии» (жалоба № 35968/97).

¹⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 19 апреля 1993 г. по делу «Краска против Швейцарии» (жалоба № 13942/88).

¹⁹ Постановление Европейского суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. по делу «Красуля против Российской Федерации» (жалоба № 12365/03).

²⁰ Козлова Н. Суть суда. Интервью с Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным // Российская газета. 2012. 16 марта.

ния, пусть почему-то и не признающего свою вину в предъявленном обвинении. Нам известно и неофициальное мнение некоторых судей о том, что сам факт попадания на скамью подсудимых уже означает практическую доказанность вины в совершении преступления, несмотря на позицию защиты и имеющиеся оправдательные доказательства.

В подобной ситуации выходом (или попыткой такового) видится возврат к советской системе выборности судей населением, хотя бы на уровне судов районного звена (с ограничением срока судейских полномочий на пять, как это было предусмотрено законом РСФСР от 18 июля 1981 г. «О выборах районных (городских) народных судов РСФСР» или десять лет), что означает несколько иные, более объективные и справедливые, требования к выбору кандидата на судейскую должность, реальное участие народа в отправлении правосудия (наряду с судом присяжных), нивелирование роли государства при назначении судей, значимое снижение коррупционной составляющей данного процесса.

В связи с изложенным, представляется необходимым сделать промежуточный вывод (о кардинальных предложениях авторов чуть ниже) о том, что преодолению обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве будет способствовать расширение элементов народного представительства, а также формализация критериев мотивированности судебных актов.

3. Судебный контроль в механизме современного уголовного судопроизводства

В силу ст. 29 УПК РФ суды наделены исключительными полномочиями в части, в том числе, рассмотрения жалоб на действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования. Порядок рассмотрения жалоб установлен в ст. 125 УПК РФ, но он не включает подробной регламентации предмета производства, субъектного состава, процедуры представления доказательств, обосновывающих жалобу. Дополнение процедур судебного контроля нормами, установленными в ст. 125.1 УПК РФ, также, как упоминалось, не принесло существенного повышения правовой защищенности участников процесса от решений, нарушающих их права и законные интересы.

Выше говорилось, что определение в ч. 1 ст. 125 УПК РФ круга обжалуемых решений как способных причинить ущерб конституционным правам и затруднить доступ граждан к правосудию является изначально порочным. Ключевой параметр здесь – словосочетание «способны причинить». Таковая способность должна определяться при принятии жалобы к рассмотрению, и если она установлена судьей, то препятствий для рассмотрения жалобы не имеется. Однако критериев вероятного причинения вреда конституционным правам и свободам граждан уголовно-процессуальный закон не устанавливает, и потому их наличие (отсутствие) определяет непосредственно судья, которому поступила данная жалоба. В определении об отказе в приеме жалобы указывается немотивированный ничем довод, буквально состоящий в словах «конституционные права и свободы заявителя не нарушены», и на этом процедура завершается²¹.

Далее, определенные изъяны содержит ч. 7 ст. 125 УПК РФ, в силу которой принесение жалобы не приостанавливает обжалуемого решения, если это не сочтет нужным сделать одно из должностных лиц органов дознания и предварительного следствия, прокурор или судья. С учетом того, что жалоба приносится на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования, едва ли они будут инициативно приостанавливать исполнение таковых. Прокурор, выполняющий в стадии предварительного расследования функцию надзора за процессуальной деятельностью, уполномочен рассматривать аналогичные жалобы. Поэтому фактически единственный субъект, не участвующий в стадии предварительного расследования на стороне обвинения, – это судья. С учетом данных обстоятельств было бы правильным изложить ч. 7 ст. 125 УПК РФ в редакции, наделяющей судью, рассматривающего жалобу, правом приостановления исполнения обжалуемого решения.

Положительный эффект имело бы введение должности следственного судьи, перспектива которой достаточно бурно обсуждается в последние годы (особенно на фоне того, что подобный шаг предприняли некоторые постсоветские страны – Украина, Казахстан, Киргизия). Высказывая собственную позицию и не вступая в полемику со сто-

²¹ В частности, такое определение было вынесено судьей районного суда по указанному в примечании 5 делу, в котором обжаловалось незаконное применение меры уголовно-процессуального принуждения по прекращенному уголовному делу. В тексте жалобы при этом четко ука-

зывалось, что в связи с неотмененной подпиской о невыезде заявитель испытывает трудности с получением заграничного паспорта, т. е. произвольно ограничивается его конституционное право на свободу передвижения.

ронниками и противниками такого законодательного решения, отметим, что, бесспорно, это повысило бы правовую защищенность участников процесса, способствовало бы усилению качества расследования, ограничило бы произвольное принятие решений, затрагивающих права и свободы граждан. Однако такое было бы возможно только при независимой оценке следственным судьей материалов, представляемых органами предварительного расследования, а также при его незаинтересованности в достижении по каждому делу конкретного результата (окончания расследования направлением дела в суд с обвинительным актом или обвинительным заключением). В противном случае ничего бы не изменилось. Кроме того, корпус следственных судей должен быть отделен от представителей судебной власти, рассматривающих уголовные дела по существу. Передача следственным судьям, кроме рассмотрения жалоб в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, полномочий в части санкционирования отдельных решений органов предварительного расследования и оперативно-розыскных подразделений (в том числе постановления о возбуждении уголовного дела, как это фактически делается в американском уголовном процессе), а также депонирования доказательств (в том числе в плане их изначальной проверки на соблюдение требования допустимости и относимости), способствовала бы более качественной подготовке материалов досудебного производства по уголовному делу, если бы при этом были исключены неформальные контакты между судебским корпусом и должностными лицами органов предварительного расследования.

4. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

Данный вопрос также является весьма дискуссионным. С одной стороны, процедура легализации информации, полученной оперативно-розыскным путем, установленная в УПК РФ, в целом соответствует демократическим стандартам. С другой стороны, поскольку сама информация получается во внепроцессуальном порядке, а по правилам, регламентированным Федеральным законом от 12 авгу-

ста 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», соблюсти баланс при ее легализации достаточно трудно.

Как и в ряде других случаев, здесь следует положительно оценить деятельность Конституционного Суда РФ. Еще в 1998 г. им вынесено определение, в котором разъяснено, что задачей оперативно-розыскных мероприятий является установление преступных связей проверяемого лица²². К данному определению было сформулировано четыре особых мнения судей Конституционного Суда РФ. В частности, А.Л. Кононов указал, что вмешательство в частную жизнь граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий не может иметь тотальный характер; Т.Г. Морщакова – что неопределенность проведения оперативно-розыскной деятельности создает условия для произвола; В.И. Олейник обратил внимание на то, что при решении вопроса о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий требуется наличие проверенной информации о готовящемся или совершенном преступлении; Г.А. Гаджиев – на то, что нормы закона «Об оперативно-розыскной деятельности» допускают различное толкование. К сожалению, за 20 лет, прошедших с момента этих событий, повышения транспарентности норм закона в этой части не произошло.

Рассмотрение судом вопроса о проведении оперативно-розыскных мероприятий до начала производства по уголовному делу признано Конституционным Судом РФ формой предварительного судебного контроля²³. При этом орган конституционного контроля указал, что именно посредством оперативно-розыскных мероприятий может быть проверена информация, по результатам чего и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела. Иными словами, оперативно-розыскные мероприятия являются корректными как проверочные действия, предшествующие возбуждению уголовного дела. В то же время, с учетом того порядка, который установлен в ст. 144 УПК РФ, такая позиция представляется излишне расширяющей пределы собирания информации, которая впоследствии может использоваться в качестве доказательства.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 6.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова» // Российская газета. 2011. 22 июня.

Естественно, что проведение оперативно-розыскных мероприятий подразумевает вторжение в частную жизнь человека. Причем не только того, чья причастность к совершению противоправных действий проверяется, но и совершенно посторонних лиц, входящих в круг его общения. В связи с этим приведем в качестве примера еще одну правовую позицию Конституционного Суда РФ. В декабре 2017 г. он в очередной раз констатировал, что применение технических средств фиксации наблюдаемых событий не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, поскольку данный вид оперативно-розыскных мероприятий не ограничивает конституционные права человека и гражданина²⁴. Между тем, если обращаться к положениям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», то таковыми является любая информация, позволяющая идентифицировать прямо или косвенно конкретное физическое лицо. Изображение и речь человека относятся к сфере его частной жизни, произвольное вмешательство в которую Конституция РФ запрещает. Исходя из этого, сфера судебного контроля в области оперативно-розыскной деятельности должна быть многократно усилена, и каждое оперативно-розыскное мероприятие, связанное с негласным получением информации о частной жизни лица и ее фиксации, в обязательном порядке должно быть предметом судебной проверки.

Не секрет, что незаконные манипуляции с информацией, полученной оперативно-розыскным путем, могут быть тесно сопряжены с фальсификацией доказательств по уголовному делу. Разоблачить недобросовестных сотрудников правоохранительных органов, а тем более, добиться привлечения их к ответственности, достаточно трудно. Например, в 2017 г. осуждены два бывших сотрудника полиции (дознаватель и участковый уполномоченный), которые фальсифицировали доказательства по делу в отношении иностранного гражданина, обвинявшегося в использовании подложного документа (патента). Дело было передано в мировой суд, где было установлено, что патент им был получен в установленном

порядке и изъят сотрудниками полиции, следственные действия с понятыми не производились, подписи понятых подделаны. В результате иностранный гражданин был оправдан, а вышеуказанные должностные лица привлечены к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и превышение должностных полномочий и впоследствии осуждены к реальным срокам лишения свободы²⁵.

Резюмируя изложенное, укажем, что процедура признания информации, полученной оперативно-розыскным путем, доказательством по уголовному делу, соответствует назначению уголовного судопроизводства. Однако порядок получения этой информации нуждается в совершенствовании, поскольку в данный момент он лишен параметров необходимости и пропорциональности, а также элементов судебного контроля, адекватных степени вторжения в частную жизнь (в том числе, негласное аудио- и видеонаблюдение очевидно являются таким вторжением). В ряде случаев нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» были предметом жалоб в ЕСПЧ, который уже обращал внимание на отсутствие в российском законодательстве четкой и предсказуемой процедуры проверочных закупок, признав это «структурной проблемой» российского правосудия²⁶.

5. Развитие апелляционного и кассационного судопроизводства

29 июля 2018 г. был принят Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», в соответствии с которым вводятся (не позднее 1 октября 2019 г.) отдельные кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции для рассмотрения кассационных и апелляционных жалоб на решения нижестоящих судов в целях более независимого положения этих инстанций от общей судебной системы Российской Федерации. По замыслу законодателя, девять кассационных судов общей юрисдик-

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision308757.pdf> (дата обращения: 28.02.2019).

²⁵ Уголовное дело № 01-0243/2017 // Архив Савеловского районного суда г. Москвы.

²⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Кумицкий и другие против России» (жалоба № 66215/12).

ции и пять апелляционных судов общей юрисдикции будут более эффективно устранять допущенные при рассмотрении уголовных дел судебные ошибки в силу своего межрегионального расположения.

Право обжаловать приговор является важной гарантией против незаконного осуждения, поэтому усиление независимости апелляционной и кассационной инстанции можно приветствовать. Притом что вопрос о виновности / невиновности в инкриминируемом деянии уже не является в этих инстанциях основным [8], в центре внимания оказываются аргументы жалобы (представления) и их связь с собранными по делу доказательствами. Проверка «состоятельности претензий» участника процесса не строится, по общему правилу, на основе повторных подробных судебных слушаний [9, с. 53].

Констатируя наличие апелляционного «полиморфизма» (многовариантности), некоторые процессуалисты вносят предложение об установлении апелляционного пересмотра на общих основаниях и приговоров, постановленных по правилам, предусмотренным гл. 40 УПК РФ, и приговоров по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей [10]. Однако против этого можно привести несколько возражений.

Во-первых, существующие в действующем УПК РФ ограничения обусловлены природой указанных юридических процедур судебного разбирательства, и их изменения представляются несвоевременными.

Во-вторых, при расширении, например, оснований отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных, может сложиться ситуация, в которой сама идея народного участия в отпращивании правосудия окажется нивелированной.

В-третьих, с учетом того, что изменению или отмене в апелляционном порядке подвергается минимальное количество обвинительных приговоров (а в кассационном – еще меньшее), расширение возможностей для отмены приговоров оправдательных отрицательно повлияет на состояние защищенности прав и законных интересов осужденных, и превратит суд первой инстанции в «предварительный», а апелляционную и кассационную инстанции – в «окончательный», что не будет способствовать усилению независимости судей. Научная характеристика апелляции и кассации как «проверочных» стадий [11, с. 9] представляется в связи с этим более правильной, а сохранение существующего сегодня баланса – более разумным.

Состязательность в апелляционной инстанции уже была предметом научного интереса [12, с. 3–5],

однако с учетом фактического ограничения таковой в исследовании новых доказательств (и подобное является главным недостатком нынешнего апелляционного производства, каковое по сути сводится к формальному изучению доводов апелляционной жалобы или представления) она представляется нуждающейся в дальнейшем усилении.

Будучи ограниченными рамками данной публикации, мы не можем подробно остановиться на всех вышеуказанных моментах, но, в частности, еще раз скажем, что выделение кассационных и апелляционных судов (инстанций) в отдельные звенья судебной системы Российской Федерации в целях их большей независимости не означает их выделения из общей судебной системы, которая живет, существует, действует, развивается по определенным официальным и неофициальным, гласным и негласным, общепринятым и частным правилам.

Главным неофициальным правилом работы наших судов, по мнению авторов, является оправдание подсудимого в самом крайнем случае, когда не оправдать нельзя (например, по причине явно видимой, заведомой фальсификации доказательств) или когда уголовное дело приобрело громадный общественный резонанс (например, прекращение уголовного дела в отношении предпринимателя из Тульской области, лишившего жизни в состоянии самозащиты себя и близких нескольких вооруженных нападающих) или широкую всероссийскую и международную известность (например, оправдание Брянским областным судом на основе оправдательного вердикта присяжных тринадцати подсудимых, шесть из них находились под стражей до вынесения решения, обвинявшихся в контрабанде наркотических веществ в виде кондитерского мака в особо крупном размере).

Выделение кассационных и апелляционных инстанций из состава суда субъекта федерации в отдельные и более независимые девять кассационных и пять апелляционных судов означает и их значительную удаленность от места проживания или нахождения лиц, подающих кассацию или апелляцию, если они не проживают или не находятся в месте постоянного пребывания одного из девяти кассационных или пяти апелляционных судов общей юрисдикции. В целях решения этой проблемы Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (в ч. 3 ст. 23.1 и ч. 3 ст. 23.9) предусмотрена возможность образования постоянных судебных присутствий (обособленных подразделений суда) вне места постоянного пребывания

кассационного или апелляционного суда общей юрисдикции.

Еще раз отметим, что отсутствие отдельных (с точки зрения организационного построения) кассационных и апелляционных судов для обжалования решений нижестоящих судов вряд ли является одним из основных недостатков российского уголовного судопроизводства или его главной проблемой, так как главным принципом деятельности наших судов, по мнению авторов, является стабильность и устойчивость (неотменяемость) судебных решений, и введение более независимых инстанций сути современного российского правосудия изменить не может, хотя с точки зрения модернизации апелляционного и кассационного производства, без сомнения, это полезные и, наверное, нужные нововведения.

6. Эволюция научных представлений о системных недостатках (насуущих проблемах) уголовного судопроизводства

В начале XXI в. в значимых научных публикациях к основным проблемам российского правосудия было принято относить нарушение разумного срока разбирательства гражданских и уголовных дел во всех регионах, где проводился мониторинг нарушений прав человека; существование массовых и повсеместных препятствий в сфере доступа к правосудию; нарушение гласности и открытости судебного разбирательства: нарушение принципа равенства сторон (явно выраженный обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве, отказ в ознакомлении с материалами дела и получении копий документов); нарушение права на защиту (рассмотрение дела без адвоката даже тогда, когда его участие являлось обязательным); нарушение принципа независимости и беспристрастности судей (например, финансирование судов из местного бюджета); нарушение права на возможность обжалования (задержка выдачи судебных решений); неисполнение судебных решений (нарушение сроков возбуждения исполнительного производства) [13, с. 270–275]. Большинство из этих проблем получили успешное решение (так, ст. 51 УПК РФ установила, по сути, обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, специальная регламентация разумных сроков уголовного судопроизводства была произведе-

дена в 2010 г., вопрос о финансировании судов получил твердую законодательную основу). Однако на их месте сформировались новые коллизии, не позволяющие оценить сферу отправления правосудия как очищенную от системных недостатков.

По мнению Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, на сегодня системными проблемами (недостатками) уголовного судопроизводства являются отсутствие института следственных судей в российском уголовном процессе, нарушение разумных сроков судопроизводства на стадии предварительного расследования, чрезмерная длительность содержания под стражей, неэффективность рассмотрения судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, нарушение права потерпевшего на доступ к правосудию и защиту его интересов, злоупотребление органами уголовного преследования тайной предварительного расследования, некачественная регламентация возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, ограничение права обвиняемого на защиту на досудебных стадиях уголовного процесса, некачественная регламентация применения такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент (оперативная провокация). Отмечается и заметное увеличение жалоб, оспаривающих конституционность норм, устанавливающих новый порядок апелляционного, кассационного и надзорного судопроизводства в гл. 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ²⁷. Стоит отметить, что органом конституционного контроля внесен существенный вклад в устранение части этих недостатков. В том числе, правовые позиции Конституционного Суда РФ способствуют предупреждению возникновения угроз объективности и беспристрастности правосудия по уголовным делам²⁸. Весь период деятельности Конституционного Суда РФ успешно доказывает то обстоятельство, что именно он может выявить и оперативно исправить законотворческую ошибку. И в сфере уголовно-процессуальных отношений это можно наблюдать достаточно часто.

Однако в разы чаще Конституционный Суд РФ выносит определения об отказе в принятии к производству поступивших жалоб, в которых оспаривается конституционность норм УПК РФ. Например, только за истекшие 2 месяца 2019 г. было вынесено 35 от-

²⁷ Зорькин В.Д. Конституция живет в законах // Российская газета. 2014. 28 декабря.

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2018 г. № 39-п «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и

четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушников, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Российская газета. 2018. 20 ноября.

казных определений, в том числе по жалобе гражданина, оспаривавшего конституционность непредоставления услуг защитника в суде кассационной инстанции²⁹; по жалобе, затрагивающей вопросы использования в уголовном процессе элементов преюдиции³⁰; по жалобе, в которой было заявлено требование о проверке конституционности требований представлять в кассационную инстанцию заверенных копий состоявшихся по делу судебных актов³¹. Относительно последней хотелось бы отметить, что хотя установленный порядок комплектования документов, необходимых для возбуждения вопросов, входящих в компетенцию кассационной инстанции, выглядит логичным, он имеет ряд существенных недостатков. Главным из них является фактическая невозможность для осужденного, пребывающего в местах лишения свободы, без ограничений получить заверенную копию приговора и иных документов по своему уголовному делу. Кроме того, в эпоху формирования «цифрового общества» едва ли уместно чрезмерно эксплуатировать использование документов на бумажной основе. Думается, что в перспективе должна быть реализована программа модернизации ГАС «Правосудие» в направлении того, чтобы судебные акты по уголовным делам подвергались оцифровыванию и хранились в электронном виде, доступном сотрудникам судебной системы.

Некоторые процессуалисты корень проблем судебной системы видят в неудовлетворительной организации досудебного производства и продвигают концепцию «уголовного иска» [14]. Действительно, первоначальная стадия досудебного производства по уголовному делу в настоящее время сверххарактерна: она сохраняет сложившийся в советский период механизм возбуждения уголовного дела после проведения процессуальной проверки. Сама проверка, по сути, представляет собой квази-расследование, при котором может быть собрана

основная масса доказательств, необходимых в дальнейшем для разрешения уголовного дела по существу. Кроме того, ежегодно органами прокуратуры выявляются миллионы нарушений прав и законных интересов граждан, связанные с вынесением незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако упразднение стадии возбуждения уголовного дела, как представляется, не имеет самостоятельного значения для преодоления системных недостатков уголовного судопроизводства. В ряде постсоветских стран (Украина, Казахстан, Киргизия) были приняты законодательные решения, связанные с «автоматизацией» начала производства по уголовному делу (производство всей совокупности следственных действий с момента регистрации информации о совершенном преступлении в специальном реестре), учрежден институт следственных судей, определен порядок депонирования доказательственной информации. Однако при сохраняющихся затруднениях в сфере осуществления правосудия в разумный срок, общем обвинительном уклоне и иных проблемах отправления правосудия указанные решения привнесли не слишком много изменений в правоприменительную практику этих стран.

К иным системным проблемам, по мнению авторов, можно добавить и отсутствие у защиты права параллельного расследования, и главенствующее значение признания (даже частичного) своей вины, и практическое отсутствие оправдательных решений в суде первой и апелляционных инстанций (за исключением суда с участием присяжных заседателей), и уже упоминавшееся преобладающее применение особого порядка принятия судебного решения при полном признании своей виновности, что почти всегда выгодно правосудию, но не всегда полезно (нужно, необходимо) подсудимому. В отношении особого порядка принятия судебного решения можно

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 8-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ерофеева Романа Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой и частью третьей статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision382130.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

³⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сотникова Бориса Александровича на

нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision382126.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 41-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 401.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision384150.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

сделать достаточно интересный вывод о том, что если в ближайшие годы законодатель не исключит его из действующего УПК РФ, то логичнее было бы распространить его применение и на особо тяжкие преступления, может быть, за исключением тех, каковые наказуемы лишением свободы пожизненно.

В российском уголовном процессе вряд ли возможно появление права параллельного расследования адвоката по аналогии с американским уголовным процессом, но сегодняшнее право российского адвоката (защитника) на собирание доказательств тремя процессуальными способами (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) по сути является заведомой фикцией в силу отсутствия обязанности следователя (дознавателя) или судьи приобщить к уголовному делу, при соблюдении процессуальной формы получения, доказательств, самостоятельно собранных и оформленных защитой. Таковая обязанность должна быть закреплена в УПК РФ для реального обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, в том числе на стадии предварительного расследования, хотя подобное, скорее всего, повлечет значимое увеличение оправдательных решений, к чему российское правосудие не готово и не будет готово в ближайшие годы или даже десятилетия.

В плане иных кардинальных преобразований можно предложить исключение из перечня доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ, показания подозреваемого или обвиняемого, что может, например, решить проблему применения насилия в целях понуждения к даче признательных показаний на стадии предварительного расследования, улучшить само качество предварительного расследования, обеспечит реальную состязательность судебного следствия (или хотя бы включить в перечень недопустимых доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 75 УПК РФ, показания подозреваемого или обвиняемого, от каковых он отказался в суде, вне зависимости от участия защитника при даче данных показаний). Безусловно, что подобное должно предполагать и либо исключение из УПК РФ упомянутого выше особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), либо значимые изменения в регламентации такового, например, дача согласия на особый порядок в качестве подсудимого в предварительном слушании в суде.

Если в Концепции судебной реформы главными идеями были становление независимой судебной власти, усиление состязательности, развитие судебного контроля, то при ее реализации выяви-

лась потребность формирования социально-интегративной модели уголовного процесса. Соглашаясь с учеными, утверждающими, что оно в настоящее время еще не завершилось [15], необходимо обратить внимание еще на одну проблему.

Она связана с широким дискурсом относительно формирования «обвинительной», или «следственной», власти. Обосновывая необходимость формирования таковой, ученые апеллируют к перспективе повышения эффективности следственной деятельности [16], либо эффективности реализации функции уголовного преследования в целом [17, с. 14]. Некоторые авторы заранее делают оговорку о том, что данный термин не имеет аналога в нормах действующего законодательства [18]. Действительно, это так и есть, поскольку Конституция РФ устанавливает три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную – и не подразумевает становления какой-либо четвертой (следственной, надзорной, контрольной и пр.). Опасность данных рассуждений мы видим в том, что фактически с их помощью оформляется база для одностороннего понимания назначения уголовного судопроизводства. Иными словами, говоря об «обвинительной власти», подспудно создается восприятие основных направлений ее деятельности, а именно осуществления уголовного преследования, и только его. Речь не идет ни об объективности преследования, ни о реализации презумпции невиновности. Притом что научное обоснование перспективных законодательных решений является крайне важным [19], тезис об «обвинительной власти» ни при каких условиях не подлежит законодательной рецепции. Механизм правовой защиты личности в России и без того является уязвимым и будет таковым в ближайшие годы, поэтому даже на терминологическом уровне нарушаться не может.

7. Заключение

По результатам проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Для существенных преобразований российского уголовного процесса необходимо исключить из перечня имеющихся доказательств по УПК РФ показания подозреваемого или обвиняемого, данные ими в ходе предварительного расследования (вне зависимости от присутствия или отсутствия при таковых адвоката – защитника). Безусловно, это изначально существенно затруднит работу обвинения и повлечет отток некачественного следственного аппарата, но объективно значительно улучшит качество работы следствия и суда, хотя бы в силу того, что

следователь не будет вынужден добиваться признания виновности любым возможным и невозможным (не обязательно незаконным) способом. По сути, это исключает из уголовного процесса институт особого порядка судопроизводства по гл. 40 УПК РФ, но подсудимый может признать вину на стадии предварительного слушания (само собой, в присутствии адвоката – защитника) и именно на этой стадии ему можно согласиться на применение данной главы УПК. По сути, это должно повлечь и значимое увеличение количества оправдательных решений, но примеры стран с более высоким уровнем демократии, прав и свобод человека, реальной защищенности личности убеждают, что это далеко не самая страшная опасность для правосудия, личности, общества, существующей государственной власти.

2. Думается, что из ст. 401.6 и 412.9 УПК РФ должно быть исключено такое основание отмены или изменения вступившего в силу судебного решения в кассации и надзоре в сторону ухудшения положения осужденного, как выявление обстоятельств невыполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ, дабы пресечь, например, возможность незаконного воздействия на лицо, отбывающее наказание, или на лицо, отбывшее таковое, с целью понуждения его к дальнейшему негласному сотрудничеству против его желания (может быть, оставив возможность подобной отмены в апелляционном производстве). Притом что часть резонансных преступлений прошлых лет была чудесным образом раскрыта в современный период благодаря тому, что некий осужденный, отбывающий длительный срок лишения свободы, вдруг «вспоминал» обстоятельства 10–15-летней давности и успешно давал показания, изобличающие конкретное лицо.

3. В процессуальных нормах о самом порядке апелляционного производства представляется необходимым исключить из ст. 389.13 ч. 6.1 (введена в УПК РФ в 2013 г.), по сути запрещающую предоставление в апелляцию новых доказательств, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, не докажет уважительность причин, по которым эти доказательства не были предоставлены в суд первой инстанции. На сегодня апелляция по УПК РФ, по сути, является разновидностью кассации, так как весь

апелляционный пересмотр фактически сводится не к повторному рассмотрению уголовного дела от начала до конца, а к оглашению доводов апелляционной жалобы или представления, кратким выступлениям участников процесса, немедленным удалением судей для принятия молниеносного решения, чему как раз и способствует упомянутый фактический запрет представления в апелляцию новых доказательств (или фактический запрет исследования уже исследованных доказательств в суде первой инстанции, если сторона, о том ходатайствующая, не докажет необходимость этого). Подобное крайне удобно для существующей системы правосудия в России, но вряд ли может способствовать преодолению обвинительного уклона при апелляционном пересмотре.

4. Часть 3 ст. 86 УПК РФ должна быть дополнена обязанностью дознавателя, следователя, прокурора и суда приобщать (и исследовать) к уголовному делу доказательства, полученные самостоятельно защитой, при условии соблюдения таковой процессуального порядка их получения (аналогичного порядку их получения органами государства), и, при наличии процессуальной возможности, при последующем слушании дела предоставленные защитой доказательства проверить.

5. Думается, что период масштабных судебных преобразований в ближайшей перспективе вряд ли наступит. Однако точечные корректировки уголовно-процессуального закона требуют научного обоснования и оценки наличия действительной потребности правоприменительной практики в принятии таких решений. Уголовный процесс – не сфера для законодательных экспериментов, оторванных от объективной реальности, а люди, нарушившие закон, – не парии, утратившие правовой статус³². Одна из главных бед нашего правосудия в том, что подобное внутреннее убеждение на сегодня изменить практически невозможно. В связи с последним, авторы высказывают утопическую мысль о том, что главным направлением желаемых перемен должно быть изменение психологии и нравственных ориентиров студента юридического вуза, дознавателей и следователей, прокуроров, судей любого звена и любого уровня, как с большим стажем работы, так и без такового.

³² В неофициальной беседе один из студентов-заочников одного из авторов данной публикации, оперуполномоченный с большим стажем работы, высказал шокирующую мысль о том, что требования закона не могут распростра-

няться на лиц, того абсолютно не заслуживающих; под таковыми он понимал ранее судимых, бомжей, тунеядцев, алкоголиков, наркоманов и прочий крайне нежелательный для общества элемент.

Еще одной дискуссионной мыслью авторов является создание процессуальных «рамок» (пределов, границ), действуя в каковых судья будет вынужден принять справедливое, законное, обоснованное, мотивированное решение (например, обязательное назначение наказания ниже низшего предела при полном признании подсудимым своей

вины, вне зависимости от его согласия на особый порядок судопроизводства или на досудебное соглашение о сотрудничестве, по преступлениям, где нижний предел указан в санкции статьи Особенной части УК РФ, и за исключением преступлений с наказанием в виде лишения свободы пожизненно).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию / Т. Бочаров и др. – Ч. 1. – СПб.: ИПП ЕУСПб, 2016. – 110 с.
2. Беляев М.В. Свойства судебных решений в уголовном процессе / М.В. Беляев. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 184 с.
3. Ведищев Н.П. Отбор присяжных заседателей в уголовном процессе России: моногр. / Н.П. Ведищев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 192 с.
4. Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства / А.В. Кудрявцева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 61–64. – DOI: 10.17223/23088451/11/12.
5. Суханова Н.Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2008. – 204 с.
6. Корнакова С.В. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве / С.В. Корнакова, В.А. Щербаков. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с.
7. Азаров В.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве / В.А. Азаров, Т.А. Беккер. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 208 с.
8. Аширбекова М.Т. О природе судебного производства по пересмотру приговора в суде вышестоящей инстанции / М.Т. Аширбекова, Н.В. Стус // Российский судья. – 2007. – № 10. – С. 25–27.
9. Гайворонская Л.В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Гайворонская. – М., 2018. – 239 с.
10. Романова А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России / А.А. Романова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 176 с.
11. Апелляция, кассация, надзор: применение норм УПК РФ / под ред. Н.И. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 464 с.
12. Алтынникова Л.И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в апелляционном производстве по уголовным делам / Л.И. Алтынникова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 184 с.
13. Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование / О.И. Рабцевич. – М.: Лекс-Книга, 2005. – 318 с.
14. Александров А.С. Уголовный Кодекс + Уголовный процесс = Уголовное право / А.С. Александров, И.А. Александрова // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 4–18.
15. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. – 2006. – № 4. – С. 12–15.
16. Цветков Ю.А. Становление следственной власти на постсоветском пространстве / Ю.А. Цветков // Российский следователь. – 2015. – № 11. – С. 9–12.
17. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Сычев. – М., 2016. – 36 с.
18. Лазарева В.А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации / В.А. Лазарева // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 14–18.
19. Шадрин В.С. Современное состояние и реформирование досудебного производства в российском уголовном процессе / В.С. Шадрин // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4. – С. 133–137.

REFERENCES

1. Bocharov T., Volkov V., Dmitrieva A., Titaev K., Chetverikova I., Shklyaruk M. *Diagnostics of the work of the judicial system in the field of criminal justice and proposals for its reform*, Pt. 1. St. Petersburg, The Institute for the Rule of Law of European University Publ., 2016. 110 p. (In Russ.).
2. Belyaev M.V. *Properties of court decisions in criminal proceedings*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 184 p. (In Russ.).
3. Vedishchev N.P. *Selection of jurors in the criminal process in Russia*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 192 p. (In Russ.).
4. Kudryavtseva A.V. Justification of a court decision as a component of a fair trial. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2018, no. 11, pp. 61–64. DOI: 10.17223/23088451/11/12. (In Russ.).
5. Sukhanova N.N. *Resolution of acquittal in Russian criminal proceedings*, Cand. Diss. Irkutsk, 2008. 204 p. (In Russ.).
6. Kornakova S.V., Shcherbakov V.A. *Problems of implementation of the principle of justice in the Russian criminal proceedings*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 144 p. (In Russ.).
7. Azarov V.A., Bekker T.A. *The identification of truth as a basis for preventing judicial errors in criminal proceedings*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 208 p. (In Russ.).
8. Ashirbekova M.T., Stus N.V. On the nature of the proceedings for the revision of the sentence in a higher court. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2007, no. 10, pp. 25–27. (In Russ.).
9. Gaivoronskaya L.V. *Features of proof in the court of appeal*, Cand. Diss. Moscow, 2018. 239 p. (In Russ.).
10. Romanova A.A. *Modern appeal proceedings in the criminal process in Russia*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 176 p. (In Russ.).
11. Kolokolov N.I. (ed.). *Appeal, cassation, supervision: application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 464 p. (In Russ.).
12. Altynnikova L.I. *Features of the implementation of the principle of competitiveness of the parties in the appeal proceedings in criminal cases*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 184 p. (In Russ.).
13. Rabtsevich O.I. *The right to a fair trial: international and domestic legal regulation*. Moscow, Leks-Kniga Publ., 2005. 318 p. (In Russ.).
14. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Criminal Code + Criminal Procedure = Criminal Law, in: Tarasov A.A. (ed.), *Aktual'nye problemy vzaimosvyazi ugolovnogo prava i protsessa*, collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Ufa, Bashkir State University Publ., 2016, pp. 4–18. (In Russ.).
15. Stoiko N.G. Strategies of the criminal process and their compatibility. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2006, no. 4, pp. 12–15. (In Russ.).
16. Tsvetkov Yu.A. Formation of investigation power on the post-Soviet territory. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 11, pp. 9–12. (In Russ.).
17. Sychev D.A. *Content and implementation by the prosecutor of the functions of supervision and prosecution in the pre-trial stages of the criminal process*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2016. 36 p. (In Russ.).
18. Lazareva V.A. Indictment authority: concept, subjects, forms of realization. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2012, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.).
19. Shadrin V.S. Modern Condition and Prospects of the Reform of Pre-Trial Proceeding in the Russian Criminal Process. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian journal of legal studies*, 2014, no. 4, pp. 133–137. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коряковцев Вячеслав Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургский институт (филиал)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vyacheslav V. Koryakovtsev – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure
All-Russian State University of Justice, St. Petersburg Institute (Branch)
19-A, 10-ya Liniya V.O., St. Petersburg, 199034, Russia

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, 10-я линия
В.О., 19-А
e-mail: vvkoryakovtsev@rambler.ru
SPIN-код: 6993-2457; AuthorID: 564749

Питулько Ксения Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургский институт (филиал)
199034, Россия, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., 19-А
e-mail: lokhi@rambler.ru
SPIN-код: 3076-5996; AuthorID: 409209

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коряковцев В.В. Состязательность: насущные проблемы современного российского уголовного судопроизводства / В.В. Коряковцев, К.В. Питулько // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 119–137. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(1).119-137.

e-mail: vvkoryakovtsev@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 6993-2457; AuthorID: 564749

Xenia V. Pitulko – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure

All-Russian State University of Justice, St. Petersburg Institute (Branch)
19-A, 10-ya Liniya V.O., St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: lokhi@rambler.ru
RSCI SPIN-код: 3076-5996; AuthorID: 409209

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Koryakovtsev V.V. Adversarial process: urgent problems of modern Russian criminal proceedings. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 119–137. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(1).119-137. (In Russ.).